

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
(ИНТЕРВЬЮ С А.Д. КАРНЫШЕВЫМ)**

Поступило в редакцию 21 марта 2018 г.

Научное интервью с российским психологом, доктором психологических наук, профессором Александром Дмитриевичем Карнышевым – продолжает серию работ по восстановлению исторических фактов и выявлению роли конкретных ученых в становлении и развитии социальной психологии как отрасли психологической науки. В ходе беседы были затронуты вопросы о событиях, сыгравших особую роль в судьбе ученого. Подробно изложена его точка зрения по вопросам актуального состояния и будущего социальной и экономической психологии. Особое внимание в разговоре уделяется опыту работы на предприятиях и с властными структурами, проблемам регионального развития и взаимоотношения людей с родным краем, а также вклада малой Родины в формирование экономического патриотизма.

Вопросы интервью подготовлены директором ИП РАН Анатолием Лактионовичем Журавлевым* совместно со старшим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН Юлией

* Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор, научный руководитель, главный научный лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru.

Валерьевной Ковалевой** . Вопросы задавала Ю.В. Ковалева, ниже публикуются вопросы и ответы на них А.Д. Карнышева.

Уважаемый Александр Дмитриевич! В нашем электронном журнале *«Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология»* существует рубрика «Научные события». Она посвящена в том числе юбилеям и памятным датам, которые связаны с именами известных специалистов и значимыми событиями в области социальной и экономической психологии. Этот год для Вас юбилейный, и мы рады возможности поговорить о Вашем профессиональном и научном пути. Разрешите задать Вам несколько интересующих нас вопросов.

1. Ваше профессиональное становление, по нашему мнению, начиналось нетипично для ученого. Не могли бы Вы рассказать о начале Вашей трудовой деятельности, к которой Вы приступили совсем юным человеком? Как опыт рабочего, а потом общественника, педагога привел Вас в науку? Что из этого опыта помогало и, может быть, помогает Вам как ученому до сих пор?

После окончания 8-ми классов не столько из-за материальных трудностей, сколько из-за подростковых амбиций пришлось учиться в профессиональном училище, а затем работать: на стройке, в геологической партии, на авиационном заводе. Последние 9-11-й классы заканчивал в вечерней школе. Кстати, одноклассниками были будущий депутат Госдумы РФ двух созывов В.Ф. Кузнецов и ныне широко известный шаман Бурятии В.Н. Нагуслаев. Затем почти 3 года проходил срочную службу в Советской Армии: Забайкальский военный округ. В студенческие годы был ленинским

** Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности, там же; e-mail: julkov@inbox.ru.

стипендиатом, командиром студенческих путинных отрядов на Камчатке и Шикотане (Курильские острова). За активную деятельность в 1976 г. был награжден орденом СССР «Знак Почета». После ВУЗа «поставили» директором «трудной» школы г. Улан-Удэ, где проработал более 3-х лет. Резюме: социальная психология как научное и практическое направление – это глубинное проникновение в реальную жизнь людей, она лучше усваивается на собственном опыте. Это у меня и получилось за 15 лет донаучной деятельности и позитивно сказывается в настоящем времени. К тому же именно знание практических проблем, желание решать их на научной основе, стимулировало моё поступление в 1979 г. в аспирантуру Иркутского пединститута с должности директора школы. Материально терял в зарплате почти в три раза, но стремился к научным исследованиям в области социальной психологии. Тему избрал, связанную со своим глубоким внутренним интересом и имеющимся практическим опытом: «Социально-психологические основы применения поощрений и наказаний в практике управления производственным коллективом». Руководил подготовкой диссертационной работы профессор В.Г. Асеев Эмпирическую часть работы выполнял на Иркутском авиационном заводе, где весьма заинтересовались ее прикладными аспектами. Разработанный «Кодекс авиастроителя» (один из первых вариантов современных отечественных документов по организационной (корпоративной) культуре) был принят на заводе. Содержание проделанной работы и «Кодекс...» направили на конкурс, и я стал лауреатом Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1982 г., организованного Академией общественных наук СССР и ЦК ВЛКСМ. Кстати, лауреатом этого же конкурса в том году был А.Г. Асмолов. Защита прошла в диссертационном совете факультета психологии Ленинградского государственного университета в 1983 г. И победа в конкурсе, и успешная защита добавили и интереса, и опыта в научно-исследовательской деятельности, поэтому, работая на разных вузовских

должностях, не бросал подготовку докторской диссертации. Здесь опять помогла деятельность в образовании в прошлом: диссертацию по теме «Социальная психология управления в школе» защитил в Санкт-Петербургском государственном университете в 1992 г. Консультантом по диссертации выступил профессор ЛГУ (СПбГУ) А.Л. Свенцицкий.

2. Расскажите, пожалуйста, о Ваших учителях, повлиявших на Ваши научные взгляды? Что в их уроках, в том числе жизненных, остается важным для Вас до сих пор?

После ВУЗа 5 лет до аспирантуры изучал психологию самостоятельно, поэтому заочными учителями были психологи московской и ленинградской школ 1960-70-х гг., в т. ч. Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев и др. Сердечно благодарен научным наставникам первых лет: иркутскому психологу В.Г. Асееву (Светлая Вам память, Владимир Григорьевич) и ленинградцу А.Л. Свенцицкому (долгих лет, Анатолий Леонидович!). Хорошие уроки преподали в период подготовки и защиты кандидатской и докторской диссертаций Б.Д. Парыгин, В.А. Ядов, Е.С.Кузьмин, В.А. Якунин, А.А. Крылов. Самым примечательным было следующее: зная, что большинство провинциалов имеют психологическое образование только через аспирантуру (факультеты и отделения были только в вузах Центральной России и столицах союзных республик), эти ученые относились к нам, по сложившимся обстоятельствам «самоучкам», с большой заботой, всегда находили время дать нам консультации, посоветовать конкретные подходы в решении исследовательских проблем, рекомендовать адекватный инструментарий. К примеру, меня гостеприимно «принимали» в своих квартирах Свенцицкий, Ядов, Якунин, Парыгин, и в домашней обстановке их советы воспринимались лучше. Их доверие окрыляло! Последние годы плодотворно сотрудничал с томским, ныне калининградским, ученым Г.В. Залевским. Всё это люди, отличающиеся не только научной компетентностью, но и человеческой

порядочностью, перед именами которых почетно «смиренно преклонить колени».

3. В чем, на Ваш взгляд, специфика отечественной психологии по сравнению с зарубежной?

Обширнейшая страна с её изумительной разнообразной природой, требующей экологической и этической компетентности каждого гражданина, «роскошь различий» людей разных национальностей, предполагающая искусство выстраивать межэтническое согласие – вне этого отечественная психология «размывает» свой предмет. Вот пример. Модный в недавнее время мультикультурализм, который восхваляли западные психологи, сегодня часто подвергается в Европе негативным оценкам. А в Сибири и на Дальнем Востоке значительное количество малых этносов не только сохраняют самобытность и находят свое место в структуре народов, но и строят эффективные контакты в современной многонациональной, многокультурной стране. Эффективность «сибирского мультикультурализма» базируется и на экономическом, и на психологическом фундаменте. Этносоциальные исследования в России более конкретны, практичны, хотя, на мой взгляд, в ряде регионов этнопсихология еще не играет должной роли. Поддерживаю в этом плане позиции ученых ИП РАН об анализе психологии этнических групп как составной части макропсихологии (А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич и др.).

4. Как Вы относитесь к тенденции привлекать зарубежных исследователей для работы в нашей стране?

Для умных людей любая помощь со стороны – стимул для исследований и самосовершенствования. Правда, если эта помощь не «попахивает» высокомерием и желанием только поучать. Когда в первые годы развития российской образовательной системы у нас «блистал» Сорос, некоторые думали, что западные идеи – это панацея от всех бед. Хорошо, что сейчас пришло отрезвление. Главным условием внедрения *нужного* зарубежного

опыта является диагностика «почвы», на которую мы собираемся его перенести. А здесь без социальной психологии не обойтись. Например, можно брать из опыта «западников» способы формирования адекватного отношения к частной собственности, ведь у европейских стран такая система сложилась в течение веков. Но при этом стоит помнить, что у нас в советское время слово «собственник» было чуть ли не «ругательным» (я это хорошо помню). В 2004 г. мы подготовили монографию «Человек и собственность», её предложили сначала издать двум московским издательствам, но по идеологическим причинам (прежде всего «табу» работам по несправедливым аспектам приватизации собственности) в публикации было отказано. Так что во многих вопросах российская специфика должна максимально учитываться.

5. Как Вы оцениваете современное состояние отечественной психологии в целом и социальной психологии в частности?

Особого негатива не вижу – «большое видится на расстоянии». Но, если вспомнить, что советскую отечественную психологию многие ученые из западных стран не замечали (игнорировали) прежде всего за её идеологический фундамент и соответствующую направленность, то шаги по преодолению этого «изъяна» в психологии надо считать весьма позитивными. У нас в истории есть реальные «фигуры» естественников, с которыми считалась мировая психология: И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, И.И. Мечников (работы которого по естественным истокам и проявлениям природы человека, его нравственного развития, на мой взгляд, до сих пор у нас недооцениваются). И когда я вижу у ученых ИП РАН работы соответствующего плана, меня это очень радует. Несколько обескураживает разрыв между теорией и практикой. Но сейчас это, кажется, больше зависит от административных работников на местах, которые «сами с усами». И Министерство образования с его формальной оценкой ученых не приближает, а отдаляет жизненные проблемы от психологии. Внутренней проблемой считаю существенное сокращение традиционных

связей психологов: раньше, например, чаще проводились конференции в провинциальных вузах, и на них всегда был плодотворный обмен мнениями и перспективными предложениями. Среди позитивных черт современной психологии назову отсутствие боязни рассматривать *любые* проблемы, творческий поиск инноваций и стремление к междисциплинарным исследованиям.

6. Интересует Ваше мнение об уровне развития методического аппарата отечественной психологии? Видите ли Вы в этом какие-либо проблемы? Есть ли что-то, в чем чувствуется потребность?

В целом грех особо «хаять», но все же чувствуется острый дефицит не заимствованных и «адаптированных», а самостоятельных методик, способных дать реальные картины особенностей развития личности, социальных групп и страт в российском обществе. Причем «шкалы» и процедуры таких методик всё больше должны фиксировать и учитывать *естественные* реакции человека на *конкретные* ситуации. Как воздух нужны «инструменты» диагностики массовой психологии на основе анализа информации из социальных сетей, форумов и т.п. Сегодня в ряде регионов России проблемой становится развитие некоторых сторон межнациональных и межконфессиональных отношений, и здесь «пакет» разных методик будет полезен. Мы у себя в лаборатории разработали методику оценки альтернативных суждений (МОАС), и она хорошо зарекомендовала себя в диагностике особенностей этнического самосознания в национальных республиках РФ (Бурятия, Тыва, Хакасия).

7. В чем конкретно Вы видите перспективы развития отечественной социальной и экономической психологии? Какие ее направления будут востребованы в будущем? Какие феномены будут привлекать наибольшее внимание?

В целом для социальной психологии весьма актуально проникновение всё дальше и дальше в биологическую (природную) «глубь» социальных явлений.

Опора на любые идеологические, даже «самые-самые» прогрессивные положения уже приводит и все чаще будет приводить к разногласиям и конфликтам. Кстати, более тесная связь с генетикой и нейропсихологией может стать в этом плане значимым ресурсом. Экономической психологии предстоит всё больше уделять внимание вопросам собственности, особенно интеллектуальной, в их преломлении в индивидуальном и коллективном самосознании, этническим аспектам хозяйственной деятельности, вопросам социального партнерства, вопросам «стирания граней» между населением городов и сёл в новых социально-экономических условиях и т.п. Например, за рубежом в поведенческой экономике сегодня всё чаще стали использовать процедуры психографики – персонифицированный подход к изучению запросов и интересов потребителя, и это дает фирмам лучшие возможности, с одной стороны, ориентироваться на потребности и «претензии» «человека в группе», а с другой – формировать его неумную страсть к брендовым товарам и услугам. Кстати, когда я порой вижу успехи некоторых зарубежных идеологических институтов в «обработке» сознания «наших обывателей», я уверен, что там хорошо работают социальные психологи (специалисты по бихевиоральной экономике).

8. Если поставить вопрос шире, не могли бы Вы рассказать, как развивалась Ваша приверженность научным идеям и школам, менялось ли их значение и авторитет для Вас с течением времени?

В годы, когда я «входил» в психологию, были модными дискуссии между московской и ленинградскими школами, и, участвуя в некоторых из них, я пришел к выводу о пользе споров и разногласий, чего придерживаюсь и сегодня. Как давно говорили китайцы: «пусть расцветает сто цветов, пусть соревнуется сто школ». Приятно видеть наличие значительного количества научных школ в ИП РАН, все их даже трудно перечислить. Но по специфике своих исследований считаю весьма актуальной школу экономической

психологии, возникшую в Институте в последние примерно полтора десятилетия XX в. Первые шаги были сделаны А.И. Китовым и В.Д. Поповым, но им в советское время удалось только неполно очертить проблематику. Начать компетентный анализ реальных проблем удалось команде А.Л. Журавлева, поскольку пришла рыночная экономика с коренной ломкой «социалистического» самосознания людей. Одни и те же феномены начали проявляться по-разному. Когда-то писал в «ПЖ» рецензию на монографию Журавлева и А.Б. Купрейченко «Нравственно-психологическая регуляция экономической активности» (2003), и в ней ряд таких моментов показаны хорошо. В частности, согласен с их анализом феномена «доверие». На Востоке говорят: «Лучшее родство – доверие». Но суть доверия различна в рыночном бизнесе и на социалистическом предприятии. С тех пор внимательно прослеживаю и использую такого рода положения в своих исследованиях. Или, например, в советское время вопрос так не стоял о деловом партнерстве, как исследуют его В.П. Позняков и Т.С. Вавакина, или об особенностях социального капитала, которым занимается Т.А. Нестик и т.д. Выход в свет в издательстве ИП РАН в начале 2000-х гг. двух крупных коллективных научных трудов «Проблемы экономической психологии» под редакцией Журавлева и Купрейченко продемонстрировал убедительные аргументы становления этой школы. Причем большой плюс этой школы состоит в том, что она имеет своих сторонников и единомышленников во многих регионах России.

9. Как Вы вообще относитесь к научным школам? Какие научные школы, по Вашему мнению, выделились к нашему времени? Существуют ли общие принципы организации научных школ в психологии?

Ответ на первый подвопрос вытекает из предыдущего ответа. Что касается второго – буду банальным: внимательно слежу только за школами Москвы, Питера, Томска, на другие просто не хватает времени. Что касается принципов: у природы при создании «ста цветов» были общие правила

(цветоложе, тычинка, пестик и т.п.), что-то соответствующее, на мой взгляд, должно быть и в психологии. Главное – не перегнуть палку и не заформализовать доброе дело.

10. Есть мнение, что они даже тормозят развитие науки. В чем достоинства и преимущества научных школ? В чем недостатки, ограничения, есть ли возможности или особые приемы, на Ваш взгляд, их научного развития?

Тормозить они могут, если замкнутся только в «своей» проблематике и не будут видеть межотраслевые и междисциплинарные связи. Здесь очень многое зависит от *лидеров* научного направления и от *ориентации* «команд», которые составляют основу «школы». Достоинство любой настоящей школы в умении «держать нос по ветру» психологических проблем общества и настраивать «инструменты» – теоретические и практические – для их адекватного развития.

11. С поколением каких российских психологов Вы себя идентифицируете? Могли бы Вы назвать имена коллег-единомышленников, чьи идеи Вам близки, или, может быть, полемика с которыми играет значимую роль в Ваших научных размышлениях?

Из старшего поколения я уже назвал учителей, которые выступают ориентирами профессиональной и нравственной идентификации. Что касается представителей моего поколения (плюс – минус 10 лет) и молодежи, больше всего ценю научные и (не скрою) дружеские связи с В.П. Позняковым, всегда приятно общаться и дискутировать с коллегами из МГУ (теперь уже ушедшей) Т.Г. Стефаненко, Л.В. Матвеевой и др., с коллегами из ВШЭ В.А. Штроо и В.П. Серкиным (последнего очень уважаю за его книги о природе и шаманизме), дорожу отношениями с «питерцами» О.С. Дейнека и Э.Х. Локшиной. Много совместно работал и работаю с сибиряками Э.В. Галажинским, В.Е. Ключко (светлая память!), О.М. Краснорядцевой, В.И. Кабриным и другими (Томск), с пытливыми исследователями из Кемерово –

М.С. Яницким и А.В. Серым. В Сибири ряд лет была весьма актуальна проблема психологии инноваций, и вышедшая в научном издательстве ИП РАН наша монография «Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии» стимулировала дискуссии и поиски.

12. Сквозь всю Вашу деятельность проходят красной нитью два важных явления – Ваша активная общественная позиция и Ваше особое отношение к своему региону, хочется, конечно, сказать менее официально, родному краю, земле. Как это отразилось на выборе Вами сфер научных интересов и направлений, которые Вы изучали ранее, разрабатываете и развиваете в настоящее время?

Мое любимое научно-публицистическое детище – книга «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» вышла в нашем регионе в пяти изданиях. Только что, в апреле 2018 г. издана научно-популярная работа «Байкал: природа и люди малой родины». И я пока не вижу в этих темах и их связях предела, потому что они повышают понимание человеком значения ландшафтов, флоры и фауны и одновременно способствуют лучшему пониманию своего внутреннего мира. Сегодня много говорят о патриотизме, как любви к Родине (Журавлев, Юревич, 2016 и др.). Но ведь она начинается, как поется в песне «с картинки в твоём букваре, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе...». По большому счету, это и есть «предмет» психологии. Былинные богатыри черпали свои силы из родной земли. Очень хочу следовать им! Отсюда и интерес к проблемам гражданственности и патриотизма. Практическая значимость проблемы прежде всего в её связи с закреплением жителей, в первую очередь, молодых, на просторах Сибири и Дальнего Востока. Другая сторона вопроса – минимизация времени общения современных детей с природой, при таких тенденциях их ущербность в физическом и психологическом здоровье в будущем у меня не вызывает сомнения.

13. Если продолжить тему и поговорить о междисциплинарности исследований, или сейчас употребляют термины мультидисциплинарность, трансдисциплинарность, которым все больше придается значения в современной психологии, то экономическая этнопсихология, которую Вы развиваете, является очень точным примером этого тренда. Расскажите, пожалуйста, немного об истории этого направления, а главное – о его перспективах. Могли бы Вы дать экспертную оценку будущего этого и смежных с ним научных направлений?

За рубежом долгое время развивалась экономическая антропология, изучавшая «дикие племена» и малые народы. Она в целом пришла в состояние стагнации, в частности, и в результате господства мысли, что процессы глобализации вскоре сотрут все национальные интересы и различия. Не только племенам, но и малым народам вообще предсказывали исчезновение через несколько десятилетий. В 1999 г. вышла наша монография с экономистом М.А. Винокуровым: «Экономическая этнопсихология в Восточной Сибири», в которой, в частности, отрицалась фатальность таких тенденций. Проходит время, и, например, сибирские этносы не только сохраняют свои самобытность и традиции, но и укрепляют свой патриотизм. Причем важнейшую роль играют экономические деятельности, основанные на традициях конкретных народов: земледельческих, скотоводческих, садоводческих и т.д., все больше сегодня востребованы этническая кухня и этнический туризм, национальные виды спорта и т.п. Важно стимулировать такие деятельности в интересах перспективных сфер - туризма и экспорта продукции. В 2009 - 2010 гг. мы провели исследование и издали работу «Человек и этнос на своей земле», очертив проблемы и пути развития малых сибирских народов. Так что перспективы экономической этнопсихологии вырисовываются четко.

14. Если Вы согласитесь, то расскажите, пожалуйста, как Вас заинтересовала тема старообрядчества в жизни России? По сути здесь междисциплинарность просматривается еще шире, к экономическому и этническому аспектам добавляются религиозный и политический. Это опять же связано с регионом или у этого интереса есть и другие корни?

В республике Бурятия, где я прожил большую часть своей жизни, старообрядческие общины освоились более двух с половиной веков назад. Они преобразовали многие ранее необрабатывавшиеся земли, именно о старообрядцах этой поры и этих мест писал Н.А. Некрасов: «Воля и труд человека дивные дивы творят». В студенческие годы у меня было много друзей из старообрядческих семей. Ездил к ним в гости, на свадьбы и т.п. и полюбил этих удивительных людей. Моя сокурсница, ныне профессор Аризонского университета Т. Юмсунова-Моррис стала редактором «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», который я помогал издавать. На мой взгляд, ресурсы этих людей сегодня недооцениваются, и государство мало способствует их возрождению на селе. Но никакие одиночно «раскиданные» по территориям энтузиасты «дальневосточных гектаров» экономически «не вытащат» Сибирь и Дальний Восток, если вновь настоящими хозяевами на этой земле не станут потомки старожилов – от старообрядцев и забайкальских, амурских и др. казаков до «аборигенных» этносов.

15. Есть ли у Вас замыслы подробно описать еще какие-либо этносы или субэтносы, например, сибирских казаков?

Есть несколько иной замысел: на более высоком научно-практическом уровне продолжить поиск ресурсов, чтобы молодежь закреплялась на нашей земле и видела смысл своей жизни в самореализации, в том числе через «украшение» малой родины. М. Вебер говорил: «Отечество для нас – страна потомков».

16. В своей профессиональной биографии Вы выступили организатором многочисленных научно-практических конференций по экономической психологии и смежным с ней отраслям. Каков был замысел такого большого числа конференций? Реализован ли он, по Вашему мнению? Что Вы приобрели, чего добились в этой многолетней работе?

Лично для меня главной причиной проведения таких мероприятий, с одной стороны, было привлечение в Иркутск неординарных, творческих исследователей из всей России, чтобы наши коллеги и ученики увидели и послушали их, что-то взяли для себя в практическом плане. И очень рад, что мои задумки в этом аспекте реализовались. С другой, обмен мнениями и оценками в кулуарах и за «рюмочкой чая» – это определенное видение развития научных направлений, школ и конкретных тем. Пользы от этого нельзя умалить, особенно если встречаются, как мы говорили выше, представители «ста школ». Важно отметить как следствие – более тесное взаимодействие с представителями разных научных школ. Наконец, мы – сибиряки – по природе гостеприимны и любим демонстрировать свое доброе отношение к людям, и, думаю, в этом ракурсе у нас многое получалось.

17. Можно ли сказать, что Вам вообще удастся синтезировать, объединять самые разнообразные виды деятельности? Например, будучи депутатом и заместителем Председателя Народного хурала Бурятии, Вы организовали социально-психологическую лабораторию, занимающуюся изучением общественного мнения, кстати, единственную в России. Результаты ее деятельности влияли на законотворчество в Республике. О таком месте и такой востребованности психологии у властных структур можно мечтать. Могли бы Вы посоветовать, как необходимо действовать психологам при взаимодействии с властью, бизнесом, другими организациями? Могут ли тут быть какие-то универсальные

рекомендации или все-таки речь идет лишь о каком-то конкретном случае, о роли личности в этой истории?

Региональные парламенты тех лет только проходили становление, поскольку впервые были внесены в Конституцию РФ как законодательные органы. Интересный факт: в США в каждом штате к тому времени законодательные органы приняли по 6-7 тысяч законов, регулирующих жизнь местных сообществ, а у нас в любой республике или области до 1994 г. не было ни одного. И, соответственно, нашим региональным законодателям надо было что-то наверстывать и искать новые «дороги». Подготавливая поправки к закону о Байкале, о местном самоуправлении, о молодежной и национальной политике и т.д., мы проводили исследования и выступали с конкретными аргументами по проблемным вопросам, с цифрами в руках убеждали и депутатов, и представителей исполнительной власти в необходимости принятия конкретных мер. Высшая эффективность норм закона, – это когда они становятся психологическими привычками людей, а это невозможно, если не считаться с их мнением.

Что касается сотрудничества психологов с властями, особенно современными, то это задача весьма сложная. Во власти сегодня много лиц, которые ждут от окружающих только подчинения и подтверждения *своих* взглядов. Скажу с горькой шуткой, такие «начальники» не прочь оценивать сотрудников по наставлениям петровского времени: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Думается, очень мало компетентных психологов «способно» соответствовать таким критериям. Более всего психологам необходимо во взаимодействии с такими людьми научиться оперировать цифрами исследований, которые (цифры) аргументированно подтверждают преимущества или, наоборот, слабости проводимых мероприятий, конкретные возможности социального и человеческого капитала.

Убеждать сегодня лучше «стоимостными» фактами. И еще один нестандартный совет: нужно учиться использовать в интересах дела властные амбиции разного рода «начальников».

18. Вы также очень хорошо знакомы с ролью психологии в управлении организациями, и как практик, и как исследователь. Каково, на Ваш взгляд, место психолога в современной организации? Повысилась ли его роль по сравнению с предыдущими периодами развития нашей экономики? Как новые технологии, новые способы организации производства, новые возможности управления персоналом отражаются на месте специалиста нашей профессии в решении этих вопросов?

Здесь часто возникают элементы парадокса. Роль психологических факторов в любых *управляемых* системах возрастает в связи с усложнением характеристик членов «команд» и межличностных отношений. А вот роль психологического знания и сопровождения в управленческих процессах явно сокращается. Назову лишь две причины. Во-первых, «оптимизирующаяся» высшая школа уже давно сокращает количество часов на психологию управления и организационную психологию в подготовке инженеров и менеджеров, в результате руководители больших и малых команд часто не видят ресурсов своих сотрудников и не умеют отлаживать человеческие контакты. Посмотрите на молодежных форумах, сколько жалоб на «обрыдлую» работу и «тупого» шефа. Всё больше роботов и компьютеров на современном производстве, к которым не нужно находить «подход», и такой стереотип переносится и на человека. Во-вторых, на предприятиях, особенно в провинциях, плачевно мало психологов, имеющих навыки психологического сопровождения производственных процессов. А даже талантливый специалист по детской и педагогической психологии на месте профессионала по организационной культуре – это часто дискредитация психолого-управленческого знания. Здесь необходима определенная сертификация

специалистов такого рода, учитывающая опыт конкретной практической подготовки в разных его видах. Ни в одной области прикладного психологического знания некомпетентность профессионала не приносит такого вреда, как в экономике и управлении. Сегодня мы говорим о междисциплинарности психологии. Именно в этих направлениях она должна развиваться. Такой подход нужен не только в вузовском обучении, но и на самых разнообразных факультетах и курсах повышения квалификации.

19. Расскажите, пожалуйста, об истории Ваших отношений с Институтом психологии РАН? Когда реально она началась? Есть ли опыт выполнения совместных работ? В чем он состоит конкретно? Существуют ли у Вас планы на будущее, связанные с нашим Институтом?

В 1999 г. мне посчастливилось открыть и возглавить кафедру социальной и экономической психологии в Байкальском университете экономики и права. И почти сразу же мы наладили контакты с лабораторией социальной и экономической психологии ИП РАН, которой долгие годы руководил А.Л. Журавлев. Кстати, его помощь в реализации многих наших планов весьма высока. Сотрудники лаборатории стали постоянными участниками наших конференций, которые ежегодно проходили с 2000 по 2014 г. Ученые ИП РАН регулярно публиковались в нашем журнале «Психология в экономике и управлении». В связи с докладами на конференциях и публикациями в журнале мы особенно благодарны А.Б. Купрейченко (вечная ей память!), Т.В. Дробышевой, Т.А. Нестику, Т.С. Вавакиной и другим ученым. Я сам и сотрудники нашей кафедры принимали участие в некоторых грантах совместно с сотрудниками лаборатории ИП РАН, научным руководителем которых был профессор В.П. Позняков. Некоторое время в Томске и на Алтае удалось сотрудничать с Д.В. Ушаковым, даже написали с ним статью. Очень рад этим встречам! По разным научным интересам пересекался с В.А. Хащенко, А.А. Грачевым, Е.Н. Резниковым (вечная ему память!), А.Н. Лебедевым-

Любимовым и др. Для методологического обоснования некоторых проектов люблю читать А.В. Юревича. Я уже говорил о нашем участии в научном сборнике «Проблемы экономической психологии», об издании 2-х монографий, что стало возможным, благодаря сотрудничеству с редакционно-издательским отделом ИП РАН, и его руководителем В.И. Белопольским. В 2015 г. мы создали в Иркутском государственном университете лабораторию психолого-экономических и кросс-культурных исследований (ПЭККИ) и выиграли трехгодичный грант РФФИ (2018-20 гг.) на тему ««Экономический патриотизм как объект междисциплинарных исследований в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)». И деятельность ПЭККИ, и реализацию гранта я не представляю без активного сотрудничества с учеными ИП РАН.

20. На настоящем этапе развития социальной и экономической психологии «время» становится одним из важных предметов изучения, и это касается, в первую очередь, наших представлений о будущем, о будущем науки, в частности. Как Вы видите будущее социальной и экономической психологии, а также психологии в целом? Что будет в перспективе мейн-стримом и там, и там? Какие новые направления могут возникнуть? Какое место будут занимать социальная и экономическая психология в ряду других психологических отраслей?

Здесь довольно-таки простой расчет. Чем более производство становится роботизированным и компьютеризированным, тем меньше людей в цехах и учреждениях, тем больше психологическая цена каждого работающего человека, тем весомее «социальный капитал» работающих команд. А то и другое – предмет и социальной, и экономической психологии. Заметьте, с начала XXI-го века уже два специалиста по поведенческой экономике – Канеман и Талер – получили Нобелевские премии по экономике. А ведь многие исследования в российской экономической психологии идут в русле

бихевиоральной (поведенческой) экономики. И этот ресурс будет иметь большое будущее, правда, если быстрыми темпами будет развиваться российская экономика и психологи найдут общие отправные точки с управленческим персоналом. Считаю, что в этом плане заметно должна возрасти интегрирующая роль лаборатории СЭП ИП РАН и вашего журнала. К сожалению, последние годы не проходят конференции по экономической психологии в Санкт-Петербурге, Иркутске, и у меня есть план собрать коллег на Байкальской земле в 2019 г.

21. А что, напротив, сдерживает развитие психологии?

Интенсивно развивающаяся психология, особенно экономическая, практическая и теоретическая дисциплина характерна для *богатой* страны. Чем граждане беднее, чем больше на них оказывают влияние с помощью политических и административных рычагов, тем меньше востребованность специалистов – психологов. Мы сейчас на таком этапе. Борьба с бедностью – это, прежде всего, политическая задача, но в дифференцированном подходе к её решению есть возможности сказать своё слово социальной и экономической психологии.

22. Мы уже говорили о том, что Вы знакомы со спецификой работы властных структур. Более того, Вам удалось добиться того, что социально-психологическое знание влияло на их работу. А могли бы Вы выделить главное из многого того, что, на Ваш взгляд, во власти, в общественном развитии, в общественном мнении влияет на науку? Что тормозит ее развитие? Или способствует? Может быть у Вас есть сценарии, которые могли бы изменить современную ситуацию к лучшему?

Скажу честно: мне повезло, поскольку 90-е гг. XX в. в нашей стране были годами расцвета значения и имиджа социальной психологии. Тем более я был доктором наук – воспитанником Санкт-Петербургского госуниверситета – авторитетной организации. Это, наряду с моим относительно молодым

возрастом и «напористостью», обуславливало признание научных рекомендаций. Сейчас, как я вижу, у многих властных структур, мягко сказать, безразличное отношение к научным исследованиям. Или, в лучшем случае, они делают вид, что прислушиваются к ученым. Для социальных психологов главное – находить «узкие места», изучать их причины и предлагать конструктивные решения. Я все больше ухожу на районный, муниципальный уровень власти, где можно после исследования обсудить проблемы с администрацией и депутатами, выступить перед заинтересованной аудиторией, провести соответствующие семинары и тренинги на местах. В этом и состоит сегодня предлагаемый мною сценарий применения социально-психологических знаний.

23. Вы ведете активную преподавательскую работу. Многие сейчас недовольны современными студентами, лекторам не хватает интереса и «горящих глаз» в аудитории. Как бы Вы охарактеризовали современное студенчество? Согласны ли Вы с такими оценками или видите и что-то позитивное в молодом поколении? Могли бы вы эту ситуацию как-то связать с состоянием нашего высшего образования в целом?

С тем количеством источников информации и плюрализмом мнений, с которыми встречаются современные студенты, мы будем все меньше видеть в аудиториях «горящих глаз». И это не наша, и не их вина. Они научились очень хорошо «скачивать» любые данные с самых разных сайтов и «запудривать мозги» «преподам» на всех видах испытаний, мы на их месте поступали бы, наверное, также. Но вот, что действительно становится их бедой – это недостаток умения размышлять, анализировать, делать выводы. Чем больше массив информации, тем сложнее осуществлять эти процессы. На своих лекциях, не говоря о семинарах, я ставлю задачу научить студентов думать, и большинство из них этому благодарно. Вообще нам надо меньше судить студентов по нашим меркам «прокрустового ложа». Они другие, потому что

время другое. Но многих человеческих качеств они не растеряли. Что касается современных негативных тенденций формализации высшего образования, то мы видим пока цветочки – ягодки впереди. Из-за бюрократических отчетов и разного рода ненужных бумаг, роста «голосовой» нагрузки резко сокращаются возможности неформальных контактов, межличностного общения в «системе» преподаватель-студент, и этот изъян будет серьезным барьером развития высшей школы.

24. Есть ли у Вас ученики? Могли бы вы назвать их имена? Чем Вы гордитесь из сделанного ими? Что главное Вам удалось донести, чему важному научить их?

У меня немало учеников – выпускников отделения «Социальная и экономическая психология», свыше 15 человек, подготовивших кандидатские диссертации, две – докторские. Кандидаты наук трудятся в разных российских городах – Новосибирске, Чите, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ и т.д. Большинство выпускников «звезды с неба не хватают», но в их работоспособности и добросовестности я не сомневаюсь. Отрадно, что по стопам отца пошли две дочери: Елена и Ольга получили психологическое образование, Елена – кандидат наук. Они участвуют в исследованиях, мы пишем с ними совместные работы. Последняя монография, вышедшая в издательстве ИП РАН в конце 2017 г., подготовлена в соавторстве с ними: «Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты». Сейчас мы совместно работаем и по гранту, и по программам исследований в лаборатории.

25. А если снова вернуться к Вашим учителям, то чем бы они могли гордиться в Вас? Есть ли что-то, что их могло бы огорчить в Вас?

«Гордились» – громко сказано. Но вот радовались бы научной работоспособности и способности не стоять на месте.

26. С высоты Вашего огромного педагогического опыта, и школьного, и вузовского, что бы Вы пожелали молодым специалистам сегодняшнего дня, начинающим исследователям, студентам и даже школьникам, которые только задумываются о получении психологического образования? Что особенно важно в профессии психолога, что важно не упустить в студенческие годы, кому действительно стоит становиться психологом, особенно психологом-исследователем?

Если с годами и трудными ситуациями в жизни вы не теряете интерес к людям, окружающей природе и личностному росту, то у вас есть все возможности развивать свои ресурсы психолога. А исследование – это пытливость, настойчивость и умение обобщать.

27. Кроме преподавания, Вы в чем-то практикуете в настоящее время или концентрируетесь в основном на научной работе (исследовательской, авторской, научном руководстве и т.п.)?

Соотношение такое: 0,25 – преподавательская, а 0,65 – научно-исследовательская деятельность, 0,1 – научное руководство, и я этим удовлетворен.

28. А для Вас самих был ли момент, когда Вы пожалели, что стали психологом?

Были, бывают и будут, когда я вижу, что «нашего брата» незаслуженно и упорно недооценивают, и меня порой тянет административными методами доказать обратное.

29. Одним из наших традиционных вопросов является вопрос о тех ресурсах, которые помогают Вам в работе? Нашим читателям очень интересно, что в самой профессии приносит радость, и что за ее пределами помогает справляться с закономерной усталостью и трудностями, если они случаются?

Забота супруги Ирины: мы вместе более 40 лет. Любовь к стихам (знаю их наизусть в большом количестве) и песням: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет!». Но главное – общение с Байкалом.

30. Ответьте, пожалуйста, на несколько незавершенных предложений:

Больше всего я хотел бы быть мудрым «до дней последних донца».

Больше всего мне не хотелось бы остановиться в развитии.

Если б можно было изменить что-то, то я бы был более настойчивым в политике.

Я никогда не сожалею о том, что я есть.

Воспоминания об этом вызывают у меня радость общения с природой разных стран и регионов России.

31. Мы также традиционно просим пожелать что-то нашему совсем еще молодому журналу, его авторам и читателям?

Помогать людям в самосовершенствовании, учиться у других и выходить на все более и более высокие уровни своего «я» (журналу тоже).

ECONOMIC PATRIOTISM AS THE DIRECTION IN SOCIAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY (INTERVIEW WITH A.D. KARNYSHEV)

The scientific interview with the Russian psychologist, the doctor of psychological sciences, professor Alexander Dmitrievich Karnyshev – continues a series of works on the restoration of the historical facts and to the identification of the role of considerable scientists in the formation and development of social psychology as branches of psychological science. During the conversation, the questions of the events which played the role in the fate of the scientist raised. His point of view concerning the current state and the future of social and economic psychology stated in detail. Attention in a conversation was paid to experience at the enterprises and

with power structures, to problems of regional growth and relationship of people with the native land and a contribution of the small Homeland to the formation of economic patriotism.

The questions of the interview were prepared by the director IP RAS Anatoly Laktionovich Zhuravlev^{***} with the senior research fellow of laboratory of social and economic psychology of IP RAS Yulia Valerievna Kovaleva^{****}. The questions were asked by Y.V. Kovaleva, questions and A.D. Karnyshev's answers are below.

^{***} Zhuravlev Anatoly Laktionovich, full member of the Russian Academy of Science, professor, Science Chief, leading research officer, laboratory of the social and economic psychology, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru.

^{****} Kovaleva Yulia Valerievna, PhD, senior research officer, the laboratory of psychology of personality, the same place; e-mail: julkov@inbox.ru.